
АЛЕКСАНДР
МОКРОУСОВ
ДАВИД
ИДИ В АД
ДЕВЯТЬ ЭТАЖЕЙ. ДЕВЯТЬ ИСПЫТАНИЙ.
ОДИН ШАНС ВЫБРАТЬСЯ.
18+

Преступление в большом городе. Современный детектив

Александр Мокроусов

Давид иди в ад

«Эксмо»
2026

Мокроусов А.

Давид иди в ад / А. Мокроусов — «Эксмо»,
2026 — (Преступление в большом городе. Современный детектив)

ISBN 978-5-04-253998-5

Закрытая вечеринка превращается в смертельный квест. Максим Романов и Давид Мазурян оказываются среди гостей, запертых в недостроенной девятиэтажке. На каждом этаже их ждут новые испытания, а за происходящим наблюдает загадочный Доктор – человек, превративший месть в тщательно продуманную игру. Пленники могут купить себе жизнь, но цена спасения постоянно растет. Кто-то пытается договориться, кто-то – сбежать, а кто-то скрывает правду о прошлом. Остросюжетный роман о выживании, предательстве и расплате. Напряжение нарастает с каждой страницей, а финальная ставка окажется самой высокой.

ISBN 978-5-04-253998-5

© Мокроусов А., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

Вступление первое 6
Вступление второе 7
Глава 1. Доктор 8
Глава 2. Максим 13
Глава 3. Доктор 19
Глава 4. Максим 24
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Александр Мокроусов
Давид иди в ад

Все, что вы прочтете, является исключительно плодом фантазии автора. Любые совпадения с реальными именами или биографическими фактами не более чем случайность.

Вступление первое

Привет, читатель.

Все знают фразы, после которых мир уже не мог бы оставаться прежним. «А все-таки она вертится», «дайте мне точку опоры», «у меня есть мечта», «я устал, я ухожу».

Фраза «давайте съездим на квест» явно не ложится в предшествующий ряд ни по силе звучания, ни по смыслу. Однако после нее моя жизнь уже никогда не будет такой, как прежде.

Я Максим Романов, владелец крупнейшей российской сети ресторанов «Максим». Вхожу иногда в серебряную, иногда в бронзовую сотню российского «Форбс». Меньше сорока лет, меньше двух метров, меньше сотни килограммов. Зато в интеллекте, чувстве юмора, умении логически мыслить и проводить сложные переговоры – я больше…

Тем, кто еще не читал книги о моих приключениях, хочу сказать, что я – положительный герой. Да, не всегда однозначный, иногда циничный, готовый обмануть и ударить первым, но в целом я неплохой парень.

Те из вас, кто уже читали обо мне, знают, что я не ищу приключений. Я хочу скучно покататься в Альпах на лыжах, выпить лемончеллу на завтрак на озере Комо или съесть стейк на Камергерском в Москве. Мне не нравится бить людей, и уж тем более я не радуюсь, если бьют меня. Да я даже к простому дискомфорту, к теплому белому вину или холодному черному кофе, отношусь плохо!

Поэтому сразу предупреждаю: все, что вы прочтете дальше, не моя задумка. Я просто оказался не в том месте не в то время. Опять. И мне пришлось из всего этого выбираться. Насколько мне это удалось – вам решать.

Вступление второе

Привет, читатель.

Мое имя вам ничего не скажет. Больше того, я надеюсь, вы его никогда не узнаете. После прочтения этой книги вы поймете почему. Да, так бывает. Иногда вы выигрываете, иногда нет. И если имя победителя громко звучит в истории, может, даже попадает в «Википедию» или какой-то иной зал славы сноба, то имя человека проигравшего никому не интересно. Разве что у победителя остались ко второй стороне состязания вопросы. Или претензии. Боюсь, это именно мой случай.

Для удобства можете называть меня Доктор. Это даже честнее, чем обращаться ко мне по имени. Ведь имя мне дали родители, а вот стать Доктором – мое собственное решение.

Я много читаю и, разумеется, знаю, что любая остросюжетная книга строится на определенных законах. Один из таких законов – обязательный конфликт между главным положительным и главным отрицательным героями. Но, пожалуйста, не спешите клеить ярлыки. Да, я не самый примерный гражданин, но и в Гитлеры меня записывать не стоит.

У меня есть маленькие слабости, но ведь именно они делают человека человеком. Если при этом пострадает несколько глупцов – так и что? Вы сами, уважаемые читатели, разве ни разу не убили ни одной бабочки, не раздавили ни одного жучка или не смахнули разом десяток муравьев? Или, на ваш взгляд, это не одно и то же?

По-вашему, Бог только для людей? Только человеческий Бог? Иначе для Него не должно быть разницы, умер жук или ребенок. Или у жуков свой Бог? Или Бог, создатель и отец всего, любит только людей, а на остальные свои создания Ему плевать?

Дорогой читатель. Не спешите делать выводы и, пожалуйста, не ищите меня.

Глава 1. Доктор

Палец в латексной перчатке оттягивает веко. Перчатки дорогие, поэтому руки у Доктора всегда теплые и пахнут не дешевой резиной городской поликлиники, а едва уловимым букетом лаванды и антисептика. Вообще, все в этом кабинете пахнет полевыми цветами и спиртом. Доктор оставил бы только флер цветов, но люди глупы, им нужно дать подтверждение, что тут все стерильно, вот и пришлось заказывать такой странный микс запахов.

– Белки у вас, дорогой мой, что-то желтоваты. Трудитесь много, нельзя так, иногда в нашем с вами возрасте нужно уже и о себе думать.

По паспорту между ними лет десять. Зеркало увеличивает разницу раза в полтора, а то и в два. Но люди глупы, поэтому…

– А сосудики, смотрю, вы в последнее время бережете, капиллярчики вижу закрылись, это замечательно.

Природа умна, а люди глупы. Но они в этом не виноваты. Люди вынуждены быть глупыми. Это инстинкт. Природа настолько разумна, что не дала людям свободы выбора, шанса подумать. В самом деле, дай человеку самостоятельно решать, что делать, когда рука схватила горячую сковороду или в лицо летит камень. К сожалению, этот выбор за нас делают инстинкты, у которых свои законы. А как здорово было бы, насколько свободнее стало бы жить на земле. Тугодумы умирали бы еще в детстве, а если бы и вырастали, то теряли бы свое потомство, не имея возможности его оберегать.

– Расстегните рубашку, пожалуйста.

Можно сразу попросить пройти за ширму и раздеться, но Доктор всегда оттягивал этот момент. Когда-то избыточный вес был признаком благосостояния. Природа надежно прошила в человеческом ДНК командную строку о необходимости запасаться жиром. Сейчас по-настоящему богатый человек будет иметь здоровый вес и спортивную фигуру. Ожирение осталось признаком богатства мелкого уровня, так же как модные брендовые вещи и дорогие аксессуары.

Пациентов, стоящих меньше десяти миллионов, Доктор уже давно не встречал, а посетителей с состоянием в несколько миллиардов долларов он избегал. Поэтому большинство его посетителей отправлялись раздеваться за ширму в самом конце приема, когда дальше оттягивать было бы уже неприлично.

А ведь у него, кажется, молодая жена. Неужели ему самому не противно понимать, что она вышла за него только из-за денег? Наверное, нет. Вероятно, он просто не задает себе этот вопрос, у него блок на такие мысли. Это опять природа, она ограждает его мозг от неприятностей, не задает вопросов, на которые не хочется получить ответы.

Природа, не человек. Человек вообще мало что сам решает.

Закон сохранения энергии. Ведь так здорово ничего не понимать, ни о чем не задумываться, ничего не видеть, не тратить калории на питание мозга. Не вижу проблем – не имею проблем. Хотя не так. Люди очень хотят видеть, хотят знать. На каждом углу кричат, что информация – это новое золото, по ТВ круглые сутки крутят «информационные» ток-шоу, бьющие по рейтингам даже комедийные или музыкальные программы. Но люди смотрят лишь то, что им приятно, что не вызывает у них вопросов, не требует действий. И в информационных шоу они не информацию ищут, а, словно губки, пропитываются чужими лозунгами, девизами и тезисами. Готовыми. Никому не интересно «почему», всем нужно «что». Так удобно, посмотрел двадцать минут ТВ, и вот у тебя уже готовое мнение по вопросу… Это уловка двадцать два биологии.

– А теперь дышите спокойно, хорошо, не нужно так глубоко, дышите нормально.

Уловка двадцать два. Пилот, заявляющий о психическом расстройстве и требующий отстранить его от боевых вылетов, этим требованием доказывает свою вменяемость. Понимаешь, что нездоров для боевых действий, значит, здоров для боевых действий.

Все, что делает человек, основано на инстинктах. И так уж вышло, что два глубинных наших инстинкта взаимоисключают друг друга.

– Покашляйте еще, пожалуйста. Достаточно.

Две исключающие друг друга стратегии. Лень и действие.

Оставаясь совершенно серьезным внешне, в мыслях Доктор усмехается. Лень и действие, лед и пламень, газ и камень…

– Не простывали в последнее время? Что-то мне шумы не нравятся.

В легких ничего нет, да Доктор и не слушает эту мелодию внутренних органов, не интересно. Но, по его опыту, обязательно нужно сказать, что что-то вызывает опасения. Люди, пришедшие к терапевту и услышавшие, что у них все в порядке, чувствуют себя обманутыми. Они ведь платят… А он не нашел…

Можно предложить сделать инъекцию витаминов. Он наверняка откажется, люди боятся уколов. Зато предложенный подкожный ввод лекарства намекнет ему на серьезность положения, да и Доктору счет увеличит. Доктор считает поставленные уколы. Это повелось еще со студенчества, когда профессор-анестезиолог начал первую лекцию со слов о том, что он – стотысячник.

Хотя нет, пожалуй, не с этим пациентом. Лень.

Так вот, лень и действие.

Наш организм подчиняется инстинкту сохранения энергии, поэтому он старается не попадать в ситуации, где требуется что-то делать. Замри, не трать калории, не читай, посмотри ТВ, сейчас сыт, вот и не ищи приключений, сядь и смотри шоу.

Но человек живет не в вакууме, вокруг еще восемь миллиардов таких же существ. А там, где собрано много представителей одного вида, неизбежно появляется стадо и с ним милый инстинкт любого члена этого самого стада – стать его вожаком. И если ты не уродился самой мощной гориллой на районе, то для лидерства тебе потребуются действия. Вот и думай: получать самые спелые бананы и для этого метелить конкурентов или экономить энергию и питаться корешками.

– Ложитесь и приподнимите рубашку. Нет, на спину. Так, если тут давлю – больно? А вот так если пальпирую?

Но это в теории. А на практике лень чаще всего побеждает технически, по неявке соперника. Люди даже не пробуют что-то сделать, идут по пути наименьшего сопротивления. Вот и сейчас, чтобы пальпаторно исследовать живот, Доктору приходится раздвигать складки жира. Омерзительно, просто омерзительно. Хочешь поиздеваться над человеком, спроси у проктолога, о чем он мечтал в детстве. А ведь мать прочила ему карьеру пианиста. Длинные, подвижные пальцы, округлая кисть, тонкие, но сильные запястья. И вот эти пальцы, которым мог бы рукоплескать Карнеги-Холл или Метрополитен Опера, эти длинные аристократические пальцы с тонкими голубыми венами, заметными даже сквозь прозрачность перчатки, почти на треть скрыты складками бело-розовой плоти.

– Чудесно, голубчик, чудесно, вы в великолепной форме.

И так как этот конкретный голубчик считает себя умным, стоит добавить и щепоть сажи на его плащ. Такой очень приятной его узкому мозгу сажи.

– Хотя не стоит столько времени работе уделять, все же сидячий образ жизни не самый полезный для здоровья. Вы о других заботитесь, это замечательно, но и себя, пожалуйста, не забывайте.

Думать. Думать о чем угодно, только не об этом отвратительном теле на кушетке.

Прямое противостояние: лень против здравого смысла. Легко сейчас против вредно потом. Легче съесть жирный сахар для быстрой энергии, чем приготовить мясо и овощи. Империи фастфуда очень четко нашли ключ даже не к животам, а к глубинным, корневым, животным инстинктам потребителя. Дай им быструю энергию. Жирное и сладкое. Много и дешево. Странно, очень странно, что население Земли растет.

Сохранение энергии против лидерства в стаде.

Из практики Доктора, лень побеждает в девяти из десяти случаев. И это не в стаде быдла «среднего класса», это «элита».

– Теперь зайдите за ширму и разденьтесь до пояса, пожалуйста.

Доктор всегда оттягивает этот момент. Разденьтесь до пояса. Снимите хорошую, красивую, дорогую одежду и покажите мне ваше отвратительное, дряблое, рыхлое тело. Для того чтобы при виде шарпеечных складок на боках, пучков седых волос на спине и груди, старческих гречневых пятен на плечах не вывернуть на пол завтрак, нужно думать о чем-то постороннем.

– А вы в прекрасной форме. Слышал, слышал про ваш новый бассейн, морская вода очень полезна и для кожи, и для всего организма. Вот только… Наслышан о вашей последней вечеринке, к сожалению, не присутствовал, но наслышан. А ведь бассейн и алкоголь друг друга исключают.

– Да что вы, доктор! Врут, врут волки, все тихо, по-семейному было. – Довольно улыбается керамической улыбкой толстое лицо.

– Ну мы же с вами понимаем, тут еще и зависть… – Доктор заговорщицки подмигивает отвратительной туше на кушетке.

Врут волки. Человек человеку волк. Но ведь это не так? Человек человеку друг? Доктор вслушался в непроизнесенные слова. Друг друга исключают. Бьют друг друга. Воюют друг с другом. Интересно. Дерутся не враг с врагом, а друг с другом. В нашем языке мы все друзья…

Медицина – единственная сфера, где нет случайных людей. Чтобы поставить диагноз по симптомам, нужно обладать логикой и умением вывести причину из следствия. Но люди с такими умениями очень скоро понимают, что есть миллион менее стрессовых и более доходных сфер, где можно применить свои таланты и получить деньги. Неглупые люди из медицины уходят. Остаются умные, любящие людей либо мудрые, людей ненавидящие.

Доктор может себе позволить пофилософствовать, ведя прием пациентов. Потому что он мудрый, а люди действительно глупы. Об этом говорил еще профессор на первом курсе. «Все пациенты путают потраченное на них время, внимание и результат. Все думают, что им нужен результат, а приходят за вниманием, мерилом которого для них является время. Уделите пациенту пять минут, поставьте ему диагноз, и он пойдет на вас жаловаться. Но прослушайте его в течение часа, измерьте давление и загляните ему в горло, а потом напишите что-то понятное лишь провизору аптеки, и он будет счастлив. Даже если вы так и не поймете, что с ним не так».

Да, все путают время и пользу. Глупые люди приходят за пользой, а хотят его время. Глупые люди боятся времени, но верят, что оно лечит. А время не доктор, оно – противник. Самый терпеливый и опытный противник в мире.

Время лечит. Возможно, оно лечит тех, кто способен забыть. А вот обладателям хорошей памяти время не только не станет лекарством, оно еще и добьет их. Если у вас все хорошо, то время убьет вас скукой. Ведь чем больше времени проходит, тем больше вы видите, тем чаще вам попадается то, что вы уже знаете. А там, где нет нового, там появляется скука.

А если у вас все плохо, то время убьет вас тоской. Тоской по тому, что нельзя вернуть. Доктора время убило два года назад.

– Одевайтесь. Что же, ничего криминального, я напишу вашему повару рекомендации по столу, но в целом вы мне сегодня нравитесь. – Вот так, в одном предложении, Доктор показывает и то, что он все-таки из касты обслуживающего персонала, но и статус доктора дает ему право быть довольным или недовольным заказчиком.

Этим манипуляциям он научился в университете, в России вообще хорошее образование.

Умение работать с пациентами особенно пригодилось Доктору, когда после своей смерти он переехал из Москвы в Краснодар.

Доктор вспоминает последний год своей жизни.

В тот год май и начало июня выдались в Москве солнечными и безветренными. Белые дымчатые облачка были прозрачны и напоминали едва ощутимое угрызение совести, будто от неоплаченного проезда в трамвае или от того, что в магазине тронул рукой хлеб и не положил в корзину, а оставил на полке. Разорванный белый оттенял искрящуюся голубизну неба и изумрудность еще молодой, свежей зелени деревьев.

Обычно Доктор открывал купальный сезон в День медицинского работника, но через несколько недель теплой погоды он решил раньше привычного, уже в начале июня, раскрыть уличный бассейн и, конечно, устроил по этому поводу барбекю с девочками.

Младшая, Катя, уже сама держала ложку, старшая, Соня, наконец, научилась не выходить в раскрасках за границы трафарета. Две девочки-погодки были его мечтой. Мужчина, мечтающий о сыне, что-то не успел, не осмелился, не смог сам. Он мечтает воплотить свои мечты в сыне. А Доктор все смог, все успел, все у него получилось.

После мяса, когда жена уже приняла свои стандартные четыре апероль-сприц, влив их на не признаваемую ею за алкоголь бутылку белого сухого вина, Доктор жарил с девочками зефирки, а потом они устроили настоящее сражение водными ружьями, закончившееся общим прыжком в бассейн. Прямо в одежде. Бассейн заранее наполнили горячей водой, она отчаянно парила, создавая множество маленьких радуг, и к тому моменту была вполне комфортной температуры. Их смех даже разбудил уже отключившуюся жену, которая, как обычно, что-то пробрюзжала про простуду и, раздраженная, ушла в дом.

Дом. Доктор остро почувствовал желание посетить дом, в подвале которого его ждет последняя добыча, молодая парочка, богатые студенты. Их кабриолет пробил шину, и они очень обрадовались, что проезжавший мимо интеллигентный мужчина остановил свой фургончик, чтобы им помочь.

Вероятно, его гости уже прошли все стадии приятия и сейчас готовы безропотно выполнять его приказы. Интересно, какое задание им дать? Хотя нет, никаких планов. Наличие четкой программы не только скучно, оно еще и сужает перспективы. Сейчас Доктор представлял себе целый спектр возможностей. Тут были и скальпель, и кислота, и пинцеты. Интересно, кому дать эти инструменты, а кого оставить привязанным к столу? А может, обоих оставить на столе? Никаких подручных средств, просто привязать любовников друг к другу. Лицом к лицу. Очень близко. Скоро их влюбленные рты начнут источать зловоние, глаза заплывут, лицо покроется жиром и прыщами. Это, конечно, потребует времени, но и зрелище обещает быть забавным. Постепенно влюбленные, когда-то мечтавшие прикоснуться друг к другу губами, начнут ненавидеть друг друга и напрягать шеи, лишь бы получить лишний сантиметр между ними. Начнут ненавидеть друг друга. Не враг врага. А если еще и кормить только одного, и зубы чистить одному, и лицо протирать… А ведь интересный сериал может получиться. Может, даже в конце выйти на новый уровень и попробовать то, о чем Доктор пока лишь задумывается? Может, поужинать втроем. Забавная вырисовывается задачка, определить, кто из сегодняшних гостей будет сидеть с Доктором за столом, а кто будет горячим… А если им уже сегодня дать выбор? Пусть сами решат, быть за столом или на столе, быть гостем или строкой

в меню? Если им уже сегодня про этот ужин рассказать, предложить выбрать вино и соусы… Но, главное, пора поговорить с ними про деньги…

Глава 2. Максим

Четверг был днем Мазуряна.

Низенький, толстенький, весь заросший шерстью и увешанный золотом, обладатель огромного носа, которому позавидовали бы и Буратино, и Бержерак, Давид Мазурян словно вышел из анекдотов о новых русских. Чезаре Ломброзо при одном взгляде на узкий лоб и крутые дуги над глазами Давида, немедленно бы потребовал посадить его в одиночку без шансов на апелляцию. Фигуру Мазуряна можно было описать словом «куча», в ней не было границ, его тело было и шаром, и овалом, и прямоугольником одновременно. Одевался он исключительно в мягкие костюмы светлых тонов, причем, будто стесняясь своего телосложения, заказывал свободные широченные брюки и пиджаки в стиле СССР пятидесятых годов. Еще сложнее было бы сказать что-то определенное о его возрасте. Всегда небритый, заросший черно-седыми волосами, он выглядел как шестидесятилетний бомж, ограбивший дорогой бутик. Но я как-то встретил его у себя в ресторане бритым, в джинсах и поло и не мог ему в тот момент дать больше тридцати пяти. И праздновал он тогда, помнится, защиту кандидатской.

В Мазуряне не было ничего, что хоть отдаленно навевало бы слова «аристократия», «бомонд» или «высший свет». Но именно этот сочинский армянин, наводнивший Краснодар сначала ларьками с кофе навынос, а затем и опутавший его сетью кофеен, стоял у истоков традиции краснодарских политиков, бизнесменов и просто видных жителей давать по определенным дням «приемы».

Забавно, что элита, городское руководство и самые успешные предприниматели любого города живут за городом. Забавно и неудивительно. Когда вы по двенадцать часов в день крутитесь в городе с полуторамиллионным населением, у вас, естественно, возникает желание после работы убраться из этого улья и переночевать там, где жужжания чуть поменьше. Потому твидовая кепка, шерстяной пиджак и резиновые сапоги, стиль кантри джентльмена давно стал частью краснодарского истеблишмента. Мазурян просто сделал следующий, вполне логичный шаг на этом пути. В его загородном доме, сначала нерегулярно, по поводам, по интересу, стали собираться самые влиятельные горожане. Постепенно, как говорится, «идея зашла».

Расписание нигде не фиксировалось, никаких групп в «Ватсапе», «Сквадусе» или «Телеграме». Но «бомонд» Краснодара знал, что весной по четным вторникам будет барбекю и много легкого вина у Андрея Никольского, вице-губернатора, курирующего культурный сектор. Ему по должности положено опекать театры и галереи, а значит и талантливых артистов. На его приемах всегда весело и интересно. В особняке вице-губернатора собирается «молодежь» – женщины до двадцати пяти и мужчины до пятидесяти. Приемы у Никольского были лучшим местом для поиска спутницы на время отпуска, если жена едет на воды, а муж, владелец коллекции охотничьих ружей, не любит охоту.

Деловые люди Краснодара предпочитали пятницы в усадьбе профессора, проректора Кубанского университета Аркадия Гатова. Хотя старик не всегда занимался наукой, до выхода на пенсию и переезда в Краснодар он активно участвовал в управлении Московской биржи и при этом ухитрялся владеть несколькими хедж-фондами и брокерскими конторами. Вот и теперь его старое сердце радовалось тому, что в его курительной комнате, под неслышные теневые передвижения лакеев с виски и коньяком в хрустальных графинах заключаются сделки, создаются союзы и предаются партнеры.

А каждый нечетный четверг вот уже почти три года был днем Мазуряна. Как и многие армяне, Давид обожал Сочи и жил в Краснодаре. А еще он как страстный любовник одновременно боготворил и ненавидел предмет своей страсти – азартные игры. Среди всех возможных способов быстро обогатиться и максимально вероятно разориться он предпочитал преферанс. С преферансных вечеров с их особой кухней и напитками, с их камерностью и в то же время

зрелищностью Давид зашел на не занятый никем рынок элитных вечеров Краснодара. Ближайшие клубы для джентльменов находятся в Лондоне, даже богатые господа не могут летать туда «скоротать вечерок». А серьезные люди, посещающие общедоступные, пусть даже очень дорогие, клубы или рестораны, давно остались в прошлом. Богатому и умному краснодарцу просто некуда было сходить вечером. И тут появился Давид Мазурян. Именно со встреч по четвергам в его доме и началась в Краснодаре мода на светские рауты, встречи городской элиты под крышей кого-то из горожан.

Зал был огромный и при этом какой-то уютный. Больше трех сотен квадратов, с потолками никак не ниже пяти метров, он не был излишне пустым. Меня всегда удивляло, что Мазурян планировал делать в этом зале изначально? Или он сразу, еще заказывая проект дома, знал, что у него станут собираться гости?

В большом зале с камином и барной стойкой, подкопченными балками где-то далеко под потолком и свисающими на толстых цепях над двенадцатью столами лампами в зеленых абажурах играли в любые, самые невероятные и экзотические игры. За каждым из столов стояли удобные кожаные кресла, зрители могли свободно переходить от стола к столу, любой стол мог по желанию гостей предложить им любую из возможных игр. Никаких крупье, гости сами оговаривают ставки, согласовывают правила и проводят игру. Незаметный персонал только помогает с реквизитом и следит, чтобы никто не видел пустых бокалов и грязных тарелок, закуски не заветривались и напитки всегда были горячими и холодными.

Если гостям хотелось отдохнуть от игры, тут и там стояли модные в прошлом столетии кресла «Барселона», две квадратные подушки мягкой телячьей кожи на металлической раме и классические диваны «Честерфилд», подлокотники-свитки одной высоты со спинкой, ромбовидная стяжка капитоне, тяжелая кожа земляных оттенков глины, песка и мокрой зелени. Интересные у Давида вкусы. Хотя, когда у человека все есть, он начинает хотеть странного. Забавно, но в этом зале такие разные предметы мебели отлично сочетались. Сидя в них, так приятно пообщаться, посмотреть на игроков или на огромные картины, украшающие стены. Картины с одинаковой вероятностью могли принадлежать Дэвиду Хокни или младшей дочери Мазуряна. Судя по тому, что они время от времени меняются, лично я склоняюсь к авторству кого-то из семьи хозяина. Хотя не исключено, что и кресла не реплики, а оригиналы Ван дер Роэ. Логику азартных людей мне вообще сложно понять.

Неизменными вот уже почти три года оставались лишь два правила вечеров у Мазуряна. Три центральных стола всегда заняты классикой: го, шахматы и преферанс. Второе правило игровых вечеров: победитель не мог вынести выигрыш из комнаты. Как только гость собирался покинуть зал, весь выигрыш, за минусом скромного процента хозяину дома, переводился в один из благотворительных фондов. Привилегией победителя был выбор – помочь бездомным животным Краснодара, высадить новые деревья в парке или внести вклад в обновление школьного спортзала где-то в далекой станице. Этими двумя правилами Давид отдавал должное своей страсти к азартным играм и ненависти к ним же.

– А у нас сегодня пас, а у вас? – Профессор, бывший главный врач краевой клинической больницы, семидесятипятилетний Семен Михайлович Фагуста, с несвойственным ему раздражением бросает карты на зеленое сукно стола.

– Два паса – в прикупе чудеса, – не удерживается от банальности его коллега, сорокадвухлетний глава Минздрава края Сергей Градинар, и чуть менее эмоционально повторяет жест профессора. – Умный в гору не пойдет, умный перезаложится. – Градинар приподнимает стакан с виски и делает второй за сорок минут глоток. Лед, наполовину наполнявший его бокал час назад, давно превратился в воду, и его виски уже пришел в разряд едва алкогольного

напитка. – Вот знал, что нельзя мне за вами, Семен Михайлович, садиться. Я как за вами сяду, так карта не идет. Пас.

Давид Мазурян, в этом туре сидящий на раздаче, крутит неизменный бокал с коньяком и вопросительно смотрит на меня.

Я улыбаюсь ему той улыбкой, которая в моем каталоге живет на странице «Недобрые намерения».

Если честно, я думал играть мизер. До вот этих двух пасов я видел у себя ловящийся, но возможный шанс не взять ни одной взятки. Но если мои визави не сговорились подшутить, то карты легли по рукам очень причудливо. Так причудливо, что…

– Максим Александрович, преферанс не шахматы, больше часа думать нельзя. – Профессор жестом старика Хоттабыча потирает жесткую короткую бороду и нарочито противным голосом напевает на мотив «Гусарской баллады»: – Полковник был большая сволочь, он пасовал при трех тузах. Ему устроили науку, он девять взял на распасах.

Владея крупнейшей российской сетью ресторанов «Максим» и живя в Краснодаре, я волей-неволей вхожу в городскую «элиту». Но вот участником таких мероприятий я становлюсь очень-очень редко.

От организации подобных раутов у себя дома меня оберегает редкое и, главное, непредсказуемое присутствие в городе, а от того, чтобы стать завсегдатаем на чужих вечеринках, меня бережет инстинкт самосохранения. Поверьте, нужно иметь стойкие суицидальные наклонности, чтобы, будучи неженатым бизнесменом из списка «Форбс», регулярно посещать какие-то мероприятия. Я знаю, о чем говорю. Еще в школе, а потом в универе я понял, что на мне висит видимая всем мамам бирка торговой марки «Мальчик из хорошей семьи».

Любителям охоты и рыбалки нравится сравнивать свои трофеи, выясняя, кто круче. Но как сравнить добытого медведя и, например, лося? Что престижнее, что весомее? Для решения таких споров международным советом охотников приняты единые правила, формулы и таблицы для оценки трофеев. По ним четко понятно, что рога северного оленя в четыре раза ценнее, чем рога оленя европейского, а шкуры рыси и волка стоят одинаково.

После открытия пятисотого ресторана «Максим» моя ценность на матримониальном охотничьем рынке, конечно, не достигла веса женихов из первой сотни «Форбс», но уже вышла на уровень региональной власти. По очкам женить меня на нужной девушке весит для охотников-свах примерно столько же, сколько и брак с губернатором. Вот только он женат, а я нет. Поэтому я очень редко посещаю местные рауты.

Но вот в преферансные вечера я как-то незаметно для себя втянулся. Наверное, сказались студенческие воспоминания, когда мы, экономисты, устраивали в общежитии многодневные турниры с математиками и радовались как дети, пересчитывая выигранные спички. Я вообще считаю, что если взрослый мужчина не общается со своими бывшими одноклассниками, не вспоминает хоть иногда фразы из старых фильмов, не слушает музыку, популярную в его молодости, хотя бы несколько песен, хотя бы со снисходительной улыбкой, значит он был изгоем и это все навевает ему не лучшие воспоминания. Мне нравилось в школе, поэтому я иногда слушаю «Кино» и «Наутилус». Я был счастливым студентом, поэтому я люблю преферанс.

– Давид, а кто этот мужчина? Вон тот, к столу го подошел. Кажется, я его видел на каком-то заседании.

Толстыми, короткими пальцами, приветом от крестьянских предков, Сергей Градинар берет бокал и делает третий за вечер глоток. С каким-то удивлением смотрит на прозрачную, едва соломенную жидкость и переводит взгляд на хозяина вечера.

– Красив, спортивен, в глазах железо?

– Металл, – Градинар поправляет хозяина вечера, – говорят, металл в глазах.

– Не в этом случае, тут просто нержавейка. Вообще, не запоминай. Это кто-то из минцифры, приехал из Казани поднимать кванториумы, или технопарки, или что-то там такое. – Мазурян даже не смотрит, на кого показывает взглядом чиновник, он как настоящий хозяин знает своих гостей и понимает, кто может вызвать вопросы.

– Сто раз на селекторных слышал это название, кванториумы. Что это вообще такое?

– Оно тебе надо? У тебя дома прям сейчас подрастает поколение, которое не знает, что такое форточка, и ничего. А кванториум – это просто хороший класс трудов и информатики, вот их этот казанец и курирует.

– У поколения, не знающего значения слова «форточка», доступ к информации такой, каким в нашем детстве только генералы спецслужб обладали. Оттого и круг интересов, а значит и уровень знаний, у них сильно выше наших с тобой в их возрасте. Мой сын в двенадцать мудрее и самостоятельнее меня в шестнадцать. И это не комплимент мне или учителям, это эволюция.

– Демагогия. – Старик Фагуста оглаживает бороду, чем подает мне, сам того не желая, сигнал о том, что карты у него так себе. – Всем понятно, что подросток века двадцать первого будет более развит интеллектуально, чем мудрец, старец века семнадцатого. А вот, Давид, про своего нового гостя ты явно что-то недоговариваешь, на волне импортозамещения, о которой даже я, пенсионер, наслышан, он может…

– Не он. Он простой бюрократ. Из окна выпадет – до земли неделю лететь будет. Его верх карьеры – один раз попасть в командный шатер с докладом о прибывшем гонце или сказать «кушать подано» в антрепризе в модном театре. Он здесь сегодня использует свой единственный шанс в обществе закрепиться…

– Это метафора? Я прогуливал литературу и совершенно лишен воображения, я не умею говорить эвфемизмы. – Градинар с искусственно-глупым выражением лица смотрит на Давида. Нарочитость непонимания, которую он демонстрирует, веселит.

– Сереж, ты только что в одном предложении выдал оба своих высших. Зачем прибедняешься? Или к общему уровню стола мимикрируешь? – Я с улыбкой включаюсь в диалог. Наш глава минздрава любит прибедняться, но я уверен, что его ассистент имеет четкое указание не покупать носки дешевле полусотни долларов за пару.

– Туше. – Градинар одним глотком допивает бокал, и его, кажется, еще на пути назад на стол успевает наполнить невесть откуда взявшийся официант.

– Ты не понимаешь, потому что ты вместо виски пьешь черт знает что. – Мазурян укоризненно смотрит на Градинара. – В следующий раз я тебе, как Хью Лори советовал, «Знаменитого гуся» налью, разбавляй его до едва знакомой птицы сколько угодно, а нормальный торфяной сингл я нам с Максимом оставлю.

– Я далек от масскультуры, поэтому ваши интеллектуальные аллюзии для меня просто глупости. И вообще, вот же, Семен Михайлович, тоже не пьет, а его ты что-то не коришь. – Улыбается Сергей Градинар.

– Я, молодой человек, слишком стар, чтобы пить.

Семен Фагуста делает паузу. Он давно уже снял пиджак и даже закатал рукава и сейчас, положив карты на стол, потирает ладонями предплечья с четкой границей навсегда высушенной антисептиками кожей старого хирурга. Видя наши непонимающие лица, старик ухмыляется.

– Это дичь и ересь, что хороший врач обязательно циник. Любой доктор пациенту сочувствует, а уж хирург, который режет… Разумеется, я пил как рыба. Для меня шотландский односолодовый торфяной или французский экстра олд были *aqua vitae*. Но это прошло, я давно уже получаю от пачки кефира удовольствия не меньше, чем когда-то получал от порции скотча. Одно время продолжал пить по привычке, но я слишком люблю и ценю алкоголь, чтобы так его расходовать. Да и вообще, привычкам нельзя поддаваться. Ни в еде, ни в отношениях, ни в

вере даже. А то привыкли класть кресты при виде православных маковок, церковь снесли, так по привычке, не глядя, на светофор крестимся. – На последних словах старый хирург щурится и смотрит на всех, как будто ищет реакцию на свои слова.

– Значит, мы с вами похожи. Я люблю алкоголь и не люблю много пить, от этого притупляется прелесть опьянения. Сравните удовольствие от первого бокала холодного брюта и от второй бутылки. – Градинар смотрит на свой вновь наполненный рокс, благодарно кивает в спину отходящему официанту и салютует всем сидящим. – Поэтому я вынужден делать длинные паузы, чтобы каждый был первым, первый бокал дает, остальные забирают. – Он вновь переводит взгляд на хозяина вечера. – Давид, а раз это человек-кушать подано, то что он тут делает? Я думал, уж на твоих-то вечерах лишних людей нет?

– Лишних людей? А говоришь, литературу пропускал… – Давид произносит это очень тихо, так обычно самые искренние мысли вырываются, я вновь удивляюсь этому человеку. Меж тем, уже нормальным голосом, Мазурян продолжает: – Я его пригласил потому, что он деревенский, из какого-то татарского поселка…

– Официант! – Я делаю вид, будто поднимаю свободную от карт руку. – Смените, пожалуйста, собеседников за этим столом. Кажется, они испортились, я перестал их понимать. – Скидываю последнюю карту, хорошо, что не пошел на мизер, две взятки на распасах это ничего, это нормально. – Давид, поясни, пожалуйста. Ну то, что ты биографию гостей изучаешь, это даже приятно, лишних людей, – киваю глазами армянину, – и правда на вечерах не хотелось бы, а вот то, что ты так деревенских любишь, это новость.

– Да кто ж про любовь говорит? – Давид в изумлении вскидывает мохнатые брови. – Когда я слышу, что кто-то любит людей, я всегда хочу уточнить, вы их как любите? С сыром? Отварных? Или вы их живьем, просто так? Люди – пресная еда, но, если есть у вас вода, соль, лучок, капуста, будет очень вкусно…

Давид делает пару глотков карамельного напитка и продолжает:

– Я, Максим Александрович, никого вне своей семьи не люблю и ни от кого любви не жду. Любовь безусловна, не бывает «люблю, потому что» или «полюблю, если». Поэтому любовь возможна только в семье. Если кто-то говорит, что людей любит или животных, – это дурак. Потому и деревенских я не люблю. Я их боюсь. Знаешь, Максим, в чем разница между деревенским и городским ребенком? Вот ты малышом кролика только в мультиках и в контактном зоопарке видел. А деревенский его маааахоньким в руках держал. Кормил, играл с ним. Любил его. А потом голову ему отрубил, шкуру снял и тушку разделал. Потому что мамка делает отличную крольчатину в сметане. Поэтому я с деревенскими не ссорюсь.

Тем временем объект их внимания, мужчина лет тридцати пяти, в хорошем костюме, тяжелых ботинках, с прической и бородкой, наверняка регулярно встречающихся не с парикмахером, а с дорогим барбером, уже взялся за спинку кресла у соседнего стола, за которым в ожидании партнера для партии в го сидит Михаил Ходус, заместитель губернатора края. Ходус – отличный игрок, на моей памяти его еще ни разу не обыграли в этой древней китайской игре, поэтому ему и приходится иногда подолгу сидеть над доской в одиночестве. Не всякий решится на партию, в которой заранее известен победитель.

– Это же не шашки? – неуверенно спрашивает подошедший. – Это го? Я много слышал и на телефоне играл. Вы ожидаете кого-то или могли бы мне дать урок?

Я не ношу бороду, поскольку мне нет нужды кому-то доказывать, что я мужчина. И к бородатым людям, если это не капитаны дальнего плавания или старики, я отношусь слегка предвзято. Но этот казанский гость мне странно симпатичен.

Я сижу достаточно близко, поэтому слышу заданные негромким голосом вопросы. Хочешь подружиться с человеком – спроси его совета или попроси о помощи в пустяковом деле. Но я отлично разбираюсь в людях, и либо этот мужчина – актер не моего уровня, либо он искренен. И в первом, и во втором случае он мне нравится.

Я внимательнее приглядываюсь к нему, благо игра вновь идет на распасах и с моими картами особого напряжения внимания не требует.

Спортивная фигура, килограммов восемьдесят отлично гармонируют с ростом около ста восьмидесяти. Наверняка сшитый на заказ костюм, мягкая светлая рубашка, дорогие, но видно, что не новые оксфорды. Смелый, но не кричащий платок в кармашке пиджака. Он просто воплощение стиля. Вероятно, если бы у него пошла носом кровь, даже она была бы в мелкую светлую клетку, чтобы гармонировать с носками. Я думал, такие люди бывают только в бондианах Яна Флеминга или в книгах Мика Геррона.

Мои наблюдения прерывает сигнал телефона. Мне пришло уведомление. Количество мессенджеров, почт и календарей, установленных у меня в телефоне, давно не оставило мне шансов определить по звуку оповещения, в какой программе я получил сигнал. Поэтому я просто вынимаю «Блекберри» из кармана и смотрю на экран. Пуш-уведомление. Не связанное ни с одним из мессенджеров и вообще не привязанное к моему номеру. Просто приемник моего телефона оказался в заданное время в действии заданной базовой станции. Наверное, были еще какие-то параметры отсечки, но не в этом суть. Главное, что я получил это уведомление. О том, какие это будет иметь последствия, я тогда даже не догадывался. Знай я, к чему все придет, наверное, сделал бы все возможное, чтобы дальнейшие события не произошли. Но я не знал и с улыбкой прочел сообщение.

Глава 3. Доктор

Иногда отдать часть – это единственный способ сохранить многое.

«Мясо», «футбол» и «танго» – вот три слова, которые прочно ассоциируются с Аргентиной. Кто-то добавит Эву Перон, хотя и представит себе при этом Мадонну из мюзикла. Танго оставим туристам. Это все равно что говорить про Россию и балалайку.

Про аргентинский футбол можно сказать всего одним именем – Диего Марадона. И если кто-то не считает его величайшим футболистом всех времен и народов, этот кто-то прожил последние полсотни лет не на этой планете. Не хватает? Все еще мало? Месси.

Но все же главное, что приходит на ум при слове «Аргентина», это мясо. Зажаренную на кресте тушу «асадо кон куэро» действительно можно назвать душой этой жаркой страны.

Летом, когда температура воды в реках поднимается выше двадцати пяти, пираньи становятся особенно активными. В старые времена, когда аргентинские ковбои-гаучо перегоняли свои стада вброд через реки с пираньями, они загоняли в воду сначала одного, самого слабого или больного, бычка. Все стадо перегонялось только после того, как голодные рыбы становились сытыми и ленивыми. Иначе стая пираний напала бы на все стадо и попортила бы каждое животное в нем. Кстати, настоящий гаучо носит нож только сзади и только рукоятью вниз, потому что были случаи, когда ковбои сами себя кастрировали или вспарывали животы при падении с лошади, заложив нож напоказ, впереди.

Именно на экскурсии по аргентинским фермам, услышав слова экскурсовода о том, что в прежние времена в стаде ценных кианских бычков специально держали ослика, чтобы им заплатить за переправу, именно тогда Доктор придумал соус для своего хобби с гостями. Он станет брать деньги. Ведь любой человек готов отдать часть, чтобы сохранить целое. Любой отдаст накопленное, чтобы сохранить жизнь.

И место для своей последней игры Доктор выбрал также благодаря аргентинским экскурсиям.

В аргентинском праве есть такой постулат: «Каждый человек имеет право на жилье». Отличный, замечательный лозунг. Социально правильное намерение аргентинских властей на деле породило целый криминальный бизнес по отъему жилплощади у законных владельцев, сквоттеринг.

Сквоттеринг – это законный захват жилья. Если вы сможете доказать, что живете в чужом доме или квартире больше сорока восьми часов, то полиция не имеет права вас выселить без решения суда. То есть владелец приходит в свою квартиру, видит, что замки сбиты и внутри кто-то сидит на его диване и смотрит его телевизор, попивая его вино. Владелец вызывает полицию, и она даже приезжает, но…

Как сделать так, чтобы бдительные соседи не успели за двое суток позвонить законному владельцу или сами не вызвали бы копов? Тут помогает простой фокус с пиццей.

Вы заметили, что какая-то квартира пустует. Не важно, принадлежит она русскому, купившему инвестиционную недвижимость на Атлантическом побережье и приезжающему сюда раз-два в год, или это кто-то местный уехал в отпуск. Вы – это семья выходцев из Африки, желательно с несколькими детьми. Местные жители называют вас окупасами, но вам на это плевать, ведь у вас есть наличка, несколько евро. Как можно за эти несколько евро обеспечить себя жильем минимум на полгода? Элементарно. Закажите пиццу. Закажите пиццу на адрес выбранной вами квартиры, перехватите курьера на пороге и оплатите еду, получив чек и бланк заказа. Пересидите на вокзале двое суток и смело возвращайтесь в выбранную квартиру, сбивайте замок и въезжайте всей семьей в новую жилплощадь. А вызванным соседями копам предъявите чек и бланк из пиццерии, доказывающие, что вы здесь живете уже больше

сорока восьми часов. Все, дальше ваше выселение возможно только через суд, а это, учитывая медлительность аргентинской Фемиды, минимум полгода-год. И чем больше у вас детей, тем длиннее будет процедура. А если у вас еще и кошечка есть, то тут без подключения службы домашних животных вообще никак. А это недели, если не месяцы.

Причем все счета за коммуналку номинально лягут на вас, но по факту, после вашего выселения, оплатить их будет вынужден владелец. А перед выселением вы еще с него и парутройку тысяч евро получите за то, что не станете унитаз разбивать и газовую колонку из стены не вырвите.

Дом для сквоттеринга, самозахвата, Доктор нашел случайно.

Панельная девятиэтажка возле заброшенной железной дороги. Такие высокие одноподъездные дома в народе всегда называли свечками. Когда-то дом планировалось заселить работниками завода, теми, кто был бы готов ради получения квартиры приехать в новый, только рождающийся вокруг будущего завода комбайнов район. В конце прошлого века окрыленные историей КамАЗа в Набережных Челнах руководители страны начали массово придумывать такие проекты. Горбачевская перестройка шла полным ходом, и на таких инициативах можно было не только заработать приличные деньги, но и прослыть «активным хозяйственником», получить посвященный тебе выпуск «Прожектора перестройки» и сделать шаг к заветной индульгенции от любого преследования, стать депутатом. Новая, «молодая» партийная власть все еще любила таких активистов и привлекала их к сотрудничеству. Вот только, пока строилась свечка, завод успел пережить все стадии развития. Он был спроектирован, заложен и даже почти наполовину построен. И это было пиком жизни завода, потому что дальше проект был заново просчитан, признан нерентабельным и заброшен. Зачем строить новый тракторный завод, если в соседнем Ростове есть «Ростсельмаш», пошедший к тому времени уже на выпуск третьего миллиона комбайнов?

Вместе с заводом было остановлено и строительство свечки. И вообще, все развитие северо-западной части города было остановлено. Так вышло, что Краснодар начал расти на юг и восток, а вот это направление осталось под ничейными полями и недостроенными заводами. До границы города было почти десять километров, и шансов на сближение не просматривалось.

К двадцатым годам нового века свечка, да и сами заводские корпуса, была уже в том состоянии, когда единственным вариантом ее использования был бы красивый подрыв. На камеры. Как со стадом быков, которых нужно перегнать через реку с пираньями. Чтобы стать богаче, нужно отдать то, что не приносит пользы. Собрали бы пару сотен тысяч просмотров, можно было бы рекламные баннеры на зданиях развесить перед взрывом, наверняка нашлись бы в Краснодаре предприниматели, готовые вложиться в такое промо.

Впервые он оказался тут еще осенью, когда ездил по окраинам Краснодара, присматривая дома для своего хобби. Тогда Доктор не представлял, зачем ему может понадобиться девятиэтажка, наоборот, он искал маленькие уединенные домики, где можно спокойно принять гостей. Именно в таких домиках в дачных поселках и подмосковных деревушках он принимал гостей после своей смерти. Такие же он искал тут, в Краснодаре. Но проехать мимо этой свечки он не смог. Выйдя из машины прямо в бурую жижу обочины, Доктор смотрел на стаю ворон, пролетавшую над домом черным потрепанным шарфом. Воронья ткань растягивается и превращается в порченную молью шкуру непонятного животного, и в этот момент Доктор понимает, что он хочет сделать в этой девятиэтажке. Ему на ум приходит аргентинский сквоттеринг. Он считает этажи, но не снизу вверх, а, наоборот, начинает с черных выбитых зубов-окон девятого этажа. Девятый, вниз, восьмой, вниз, седьмой… Он умный, он умеет видеть знаки. А это так очевидно…

Доктор был умен, он понимал, что долго проводить игры в одном доме нельзя: в самой отдаленной деревушке со временем отыщется пронырливая соседка, заметившая что-то странное, или собака разроет самую хитро спрятанную яму с останками гостей. Доктор не хотел стать маньяком. Маньяками или серийными убийцами становятся только дураки, а Доктор был умен.

Если спросить людей на улице, как стать маньяком или серийным убийцей, вам наверняка ответят, что для этого нужно кого-то убить. Несколько раз. Специалисты, сотрудники полиции, дадут более четкие критерии, скажут, что для этого нужно совершить два криминальных убийства и более с промежутком во времени.

Криминалисты и просто прохожие могут сколько угодно давать определения этим терминам, но все они будут неверными. Главным условием превращения обычного человека в Ганнибала Лектора Доктор считал известность. Если кому-то стало известно об убийствах – убийца становится маньяком. Если никто не связывает совершенно разрозненные случаи в одну историю, убийца остается нормальным человеком.

Доктор был умен, он хотел оставаться нормальным человеком, поэтому он делал все возможное, чтобы последствия его игр оставались тайной. И если до смерти Доктор просто играл с гостями, то после того, как умер, он сделал это своим лечением…

Доктор как никто другой знает, что лечение может стоить очень дорого. Для возвращения Доктора к жизни требовались не просто большие, а колоссальные деньги. Хобби и раньше отнимало у него много средств. Подменные машины, дома, одежда, инструменты, уборка… Быть Декстером очень дорого. Очень дорого, но выгодно. Если не поскупиться и сделать хороший первоначальный взнос, дальше процесс может выйти на самоокупаемость. Любой, абсолютно любой гость Доктора в какой-то момент предлагает откупиться. Нужно лишь выбрать правильного гостя и придумать надежную схему получения денег. И тогда каждый сегодняшний постоялец его отеля будет оплачивать расходы на работу со следующим гостем.

А кое-что удастся накопить. И с каждым вкладом в эту свинью-копилку месть становилась все ближе. А когда он отомстит, он вновь оживет.

Хобби появилось у Доктора пять лет назад, когда жена была беременна старшей, Соней. Именно тогда в их доме поселились постоянная ругань, скандалы, перманентные претензии жены по любому поводу и тотальный контроль любого, самого мелкого действия.

Доктор отлично помнил, что стало триггером, последней каплей, той соломинкой, которая переломила хребет верблюду. Жена уволила очередную домработницу, а нанять новую еще не успела, ее все раздражали, каждая новая кандидатка была, на ее взгляд, тупее предыдущей. Поэтому Доктор в то утро сам готовил себе завтрак. О том, чтобы этим занялась беременная уже почти месяц жена, разумеется, не могло быть и речи. Доктор только поставил медный сотейник с парой яиц на печь, как на кухню зашла жена и, не глядя на мужа, заявила, что яйца уже сварились и пора снимать их с плиты. Не глядя. По пути от двери до холодильника. Ничего больше не сказав, жена вышла из комнаты, оставив на кухне уже не просто мужа, высокооплачиваемого частного доктора, а обладателя хобби.

Психиатры могут много спорить о том, как излишний контроль в детстве сказывается на взрослом мужчине. Они могут долго копаться в подноготной политиков и бизнесменов, пытаясь найти то, что приводит их к потребности управлять людьми. Доктор не интересовался всеми этими теориями и научными гипотезами. Доктор просто знал, что если он не станет тотально, стопроцентно контролировать кого-то, то мелочный надзор и команды жены приведут его либо к измене, либо к инсульту. Изменить Доктор не мог. Не физически, как раз в этом плане с ним все было нормально: случайно засмотревшись в пробке на симпатичную девушку в соседней машине или осматривая новую жену старого пациента, Доктор чувствовал

тяжесть внизу живота и был вынужден отводить взгляд или переводить мысли на что-то сухое, повседневное, скучное. Доктор был неспособен на моральную измену, это было бы предательством, самым страшным из известных Доктору грехов. Через несколько лет, смотря на одинокую девятиэтажку, именно воспоминание о предательстве, грехе Иуды, подтолкнуло Доктора к идее, как с помощью своего хобби он отомстит и вернется к жизни.

Когда Доктор еще был жив, хобби успело ему надоесть. За несколько лет у него было тринадцать гостей-игрушек, и Доктору стало скучно.

Было все. Он похищал одиноких молодых женщин и пожилых бизнес-леди. Он подстерегал влюбленные парочки и знакомил в подвалах арендованных домов совершенно посторонних мужчин и женщин. Неизменным оставалось одно: все его гости были хорошо обеспеченны. Дешевая машина и отсутствие маникюра делали для него потенциальную жертву невидимкой. Будущие гости подбирались на городских автозаправках, где Доктор, умеющий обращаться с гримом и пользующийся всегда разными машинами, очень тщательно подбирал себе игрушки. А когда определялся с будущим гостем, ничего не стоило прикрепить к его машине маячок и, проследив за игрушкой несколько дней, составить ее, игрушки, расписание. Ну а дальше все просто.

А главное, все гости-игрушки были разными, между ними не было никакой связи, их исчезновение в многомиллионной Москве никто и никогда не смог бы связать в серию.

Доктор был умен и понимал, что когда-нибудь он обязательно совершит ошибку. Это простая статистика, теория больших чисел. Невозможно совершить идеальное преступление много раз подряд. И даже если в самом преступлении Доктор не совершит никаких промахов, то следы денег всегда остаются. Нет способа получить чьи-то деньги и не оставить заметных следов. Разве что наличка или высоколиквидные ценности, но кто сейчас хранит деньги в матрасе? Да и вообще, в наши дни крупная сумма налом нужна только для темных делишек, государство это понимает, поэтому через пару-тройку лет все операции с наличными будут отменены. А любая транзакция – видна. Отказаться от получения с гостей платы за гостеприимство было равнозначно отказу от специй на кухне. Есть можно, удовольствие получить нельзя. Поэтому доктор уже решил было отказаться от своего наскучившего и опасного хобби, но не успел. Он умер. Вернее, его убили. А если точнее, то его предала жена, краснодарский чиновник задавил его дочерей, суд оправдал убийцу, и Доктор умер.

Разумеется, он умер не физически. Тело продолжало жить, потреблять калории, носить одежду и выслушивать пациентов в клинике. Доктор умер внутри. Осталась лишь вот эта внешняя оболочка в белых кедах, синих джинсах, светлой футболке и спортивном пиджаке. Тело улыбалось и продолжало делать зарядку по утрам. Просто в голове у тела, которое когда-то было Доктором, не стало будущего времени. Глупо трупу думать о перспективах. Мертвый не может строить планов. После смерти есть только прошлое.

Сначала Доктор думал, что умер навсегда. Но после судебного процесса, где убийца его девочек был оправдан, Доктор решил, что умер слишком рано. Это привилегия умного человека, самому решать, когда умирать. И тогда его хобби перестало быть игрой, оно стало инструментом.

Хобби вернуло Доктору глаголы будущего времени.

А увидев прошлой осенью девятиэтажку, вспомнив про жену и Иуду, Доктор за несколько секунд придумал шедевр, как можно отомстить и, чем черт не шутит, может, даже самому воскреснуть.

Это станет его магнум опусом, его главной игрой, величайшим свершением, самым успешным детищем. Хотя… Нет, это никогда не станет его магнум опусом, потому что, если все пройдет хорошо, об этом шедевре никто не узнает. Ганнибал Лектор ведь тоже был про-

фессором с хобби, и, только когда про это хобби узнали, он стал маньяком. Так и его затея. О ней узнают, только если она не удастся.

Глава 4. Максим

«Уважаемый гость. Приглашаем Вас принять участие в квесте. Гарантируем интересные задачи всем и самый дорогой приз победителю. Ждем Вас. Автобус отходит в 09:33 вечера от центральных ворот усадьбы».

Я непроизвольно смотрю на часы. Двадцать ноль три. До предложенного отправления ровно полтора часа. Интересно, почему организаторы, обещающие интересные задания, указали время в двенадцатичасовом формате? Неужели они, нажимая кнопки на клавиатуре, представляли, словно дошколята, круглый часовой циферблат? Хотя в таком случае было бы заявлено девять тридцать, аналоговые часы склоняют к округлению.

Судя по тому, что очень многие присутствующие в зале также смотрят на экраны и на часы, сообщение пришло всем гостям Мазуряна.

– Давид, это твои шутки или у соседей какой-то праздник и нас накрыло их волной?

Я не вижу, кто задал вопрос, но полностью его поддерживаю.

– Друзья, видит Бог, это не моя затея. – Давид сам откладывает телефон, и, если мое умение читать людей мне не изменяет, он действительно смущен и взволнован тем, что сообщение оказалось на экранах его гостей.

– А что, это было бы логичным продолжением игрового вечера, не так ли, господа? – Представитель минцифры, вероятно, не нашел игру в го интересной, по крайней мере, судя по его виду, он предпочел бы поговорить, нежели проиграть очередной камень.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.